

ОТ АЛИИ ДО АЛЕЗИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ТАКТИКИ КЕЛЬТСКОЙ ПЕХОТЫ В ВОЙНАХ С РИМОМ (IV-I вв. до н.э.)¹

Со времен взятия галлами Рима и вплоть до рубежа эр кельтские племена оставались главным противником римлян в Западной Европе, с которым полководцам Вечного города приходилось вести войны «за свое существование, а не ради славы» (Sallust. Crisp. Jug. 114. 2). Большинство свидетельств античных авторов указывает, что кельты в течение всего указанного промежутка времени применяли «героическую» тактику, в соответствии с которой исход сражения решала личная доблесть, а не правильная организация сражавшихся. Большое значение имели поединки вождей противоборствующих сторон, рев боевых труб, потрясение оружием и другие способы оказания психологического давления на противника (Diod. Sic. V. 29. 2-3; Polyb. II. 28-29). Греков и римлян поражало то, что многие кельты вступали в бой обнаженными – традиция весьма характерная для традиционных представлений о священном жаре и безумии, охватывающем воина в сражении [8, 262-265]. Кульминацией сражения была стремительная атака всей массы кельтского воинства и следовавшая за ней яростная рукопашная схватка.

Применение данной, незнакомой римлянам, тактики привело к катастрофе на Алии 18 июля 387 г. до н. э. и последующей осаде Капитолия. Однако в дальнейшем римским военачальникам удалось приспособиться к кельтскому способу ведения войны и выходить победителями из большинства крупных сражений. В античной историографии сформировалось стереотипное представление о том, что кельты сильны только в скоротечной рукопашной схватке, выдержав которую дисциплинированное и организованное войско неминуемо одерживает победу. Даже оружие кельтов непригодно для длительного боя, так как быстро выходит из строя.

Металлографические исследования находок предметов вооружения кельтов позволили полностью опровергнуть анекдотическое описание гнущихся кельтских мечей, которые приходилось выпрямлять ногой уже после нескольких ударов [4, 134-156]. Сложнее дело обстоит с тактикой кельтов, современные представления о которой недалеко ушли от штампов греко-римской историографии. Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что военное дело кельтов за четыре столетия борьбы с Римом эволюционировало. За это время, в частности, вышли из употребления боевые колесницы и усилилась роль конницы, формировавшейся за счет представителей военно-аристократической прослойки. Однако в отношении пехотной тактики еще со времен Г. Дельбрюка бытует представление о том, что даже в эпоху Цезаря основная масса кельтского войска представляла собой нестройную и практически неуправляемую толпу [1, 360-364].

¹ Публикуется в авторской редакции.

Несмотря на то, что наши источники о тактике кельтской пехоты создавались под сильным влиянием римских идеологических клише, даже в них содержатся упоминания об умении кельтов формировать и эффективно использовать правильный боевой порядок. В частности, Тит Ливий сообщает, что на завершающем этапе битвы при Сентине в 295 г. до н. э. «галлы построились за своими щитами сомкнутым строем» [Galli structis ante se scutis conferti], причем далее римский писатель применяет к этому построению римский военный термин *testudo* (Liv. X. 29. 6, 12). Цезарь в одном из эпизодов «Галльской войны» изображает довольно сложные маневры войска гельветов, которые атакой «теснейших рядов» [confertissima acie] отбросили римскую конницу и, образовав фалангу [phalange facta], атаковали римский строй на возвышенности, а затем организованно отступили (BG. I. 24-26). Интересна ремарка Цезаря о том, что римские пилумы в бою могли пробивать сразу два щита галлов, что было возможно только при сомкнутом построении последних. В «Галльской войне» упоминается также умение галлов строиться «черепашьей» при штурме укреплений (Ibid. II. 6).

Весьма вероятно, что на поле боя организация кельтского «полчища» имела некую внутреннюю логику. Не случайно некоторые исследователи предполагают кельтское происхождение византийского термина «друнг», который применялся с целью «отметить внутреннюю сплоченность какого-то конкретного военного формирования, согласованный характер действий его личного состава, но при этом одновременно подчеркнуть отсутствие у этого формирования строевой упорядоченности» [2, 103, прим. 1]. Даже если данный способ построения и не был введен кельтами, то он должен был весьма напоминать кельтский боевой порядок.

Немаловажным представляется вопрос о роли рукопашной схватки в тактических приемах, использовавшихся кельтами. В последнее время появился целый ряд исследований, в которых опровергается решающее значение рукопашного боя. Боевые столкновения древних армий все чаще представляют как поэтапные соприкосновения подразделений, перемежающиеся более или менее длительными паузами, благодаря которым сражения могли продолжаться в течении нескольких часов. Ведущую тактическую роль в этом случае играл обстрел противника различными метательными снарядами [5; 9]. Вопрос насколько подобная схема сражения соответствовала воинским традициям большинства кельтских племен континентальной Европы остается открытым. Пролить свет на него могли бы данные археологии, согласно которым наконечники копий являются наиболее частой находкой в латенских погребениях с оружием. Их разнообразие столь велико, что даже построение типологической классификации находок оказывается невозможным. Отмечается лишь общая тенденция изменения формы наконечника копья от сравнительно короткой листовидной к длинной ланцетовидной [6, 59, fig. 10]. Характерной особенностью большинства наконечников копий латенского времени является их массивность и большая длина (до 70 см). Древко копья при этом могло достигать 2,5-3 м [3, 492], что, разумеется, исключает его использование в качестве метательного оружия. Впрочем, наряду с большим ударным наконечником, в погребениях нередко обнаруживаются и более тонкие и легкие наконечники дротиков.

Судя по письменным источникам, у кельтов существовала довольно развитая терминология, связанная с копьями и дротиками. Упоминаются, в частности, такие термины как *gaesum*, *lancea*, *matara*. Если «ланкия» однозначно описана Посидонием как ударное копье (Diod. Sic. V. 30. 2), то установить точное смысловое значение остальных терминов несколько проблематично. Еще в эпоху ранней республики в латынь перешло кельтское слово *gaesum*, которым римляне стали обозначать метательное копье (Liv. VIII.8.5; XXVI.6.5). При этом сами кельты понимали под гезумом нечто иное: при описании битвы при Теламоне Полибий сообщает, что «гезаты» – отборные воины галльской коалиции, были перебиты метательными снарядами легкой пехоты римлян, которой сами они ничего противопоставить не могли (Polyb., II. 28-29). У Лексикографа Суды «гезуум» определяется как «копье-контос», предназначенное для обороны (87.1). Можно предположить, что гезум у кельтов являлся универсальным копьем, предназначенным как для рукопашного боя, так и для метания.

То же, по-видимому, относится и к матаре (или «*mandaris*» у Страбона (IV. 4. 3)). Происходя от и.-е. основы **magh-* «битва», данный кельтский термин фонетически близок греч. *μάχαιρα* «меч, изогнутый боевой нож». В средневековой Шотландии термином *matadh achalaise* называли разновидность кинжала [7, 20]. В письменных источниках известно два эпизода боевого применения матары. Сообщая о ранении Марка Попилия Лената, Ливий говорит, что кельтская матара пронзила плечо консула, когда тот находился в первых рядах (sic!) своего войска [*laeuo umero matari prope traiecto cesserat rapumper ex acie*] (Liv. VII.24.3). Второй эпизод описал Юлия Цезарь, рассказывая о завершающем этапе битвы с гельветами и бойями (58 г. до н. э.): «некоторые [галлы], расположившись между телегами, размахивали матарами [*rotasque mataras*], а также бросали трагулы и ранили наших». Цезарь, таким образом, различал трагулу – метательный дротик с ременной петлей, и матару, которая, вероятно, имела широкий спектр боевого применения.

Римские авторы в один голос говорят о неэффективности кельтской пехоты в бою против легковооруженных застрельщиков и метателей дротиков. Так, в 358 г. до н. э. Гаю Сульпицию удается разбить кельтов благодаря сосредоточенному и массивному применению метательных снарядов (Appian. Celtica. I. 1). Выше уже упоминался эпизод битвы при Теламоне, в котором свою исключительную эффективность против кельтов показала римская легкая пехота (Polyb., II. 28-29). Наиболее красноречиво непригодность кельтов к ведению боя на расстоянии описывает Тит Ливий. По его словам, осажденные римлянами галаты на горе Олимп в 179 г. до н. э. не позаботились о том, чтобы заготовить метательные снаряды и не обладали достаточными навыками для эффективного метания камней, которыми изобилует местность. Заняв оборонительную позицию, они дали римлянам втянуть в себя в метательный бой, к которому совершенно не были готовы: «Они не были достаточно осмотрительны, так что метательные копья, пули и стрелы поражали их отовсюду; ослепленные яростью, как и страхом, и действовавшие наобум, они дали втянуть себя в битву такого рода, для которого совсем не годились. В самом деле, они привыкли к ближнему бою, где на удар можно ответить ударом, ранением на ранение, – это разжигает их ярость и

воспламеняет дух. А здесь, где противник, издали наносящий им раны легким метательным оружием, скрыт от глаз, их слепое неистовство не находит выхода, и, подобно пронзенным зверям, они в исступлении кидаются на своих же» (Liv. XXXVIII. 21. 7-8, пер. А.И. Солопова).

Впрочем, тот же автор, рассказывая о битве при Сентине, упоминает, что цизальпийские галлы, «...словно обезумев, метали свои копья и стрелы в пустоту, а иные цепенели, забыв и о битве, и о бегстве» (Liv. X, 29, 2, пер. Н.В. Брагинской). Этот пассаж, впрочем, больше напоминает литературное клише, чем реальный боевой эпизод. На завершающем этапе сражения римлянам удалось нарушить сомкнутый строй галлов, безнаказанно забросав его метательными снарядами (Ibid, 7). В более поздних источниках противопоставление дротиков, которыми была вооружена римская тяжелая пехота кельтским ударным копьём стало своего рода стереотипом (Dyonis. Hal. XIV. 9. 13). И лишь ко времени «Галльской войны» восходят упоминания о систематическом и организованном применении кельтами метательного оружия (Caes. BG II .25; II. 27; III.4; III.25). Но даже тогда противники Цезаря стремились добиться победы быстрой атакой с попыткой нарушить построение противника и навязать ему рукопашную (Ibid. II. 19-30).

Таким образом, представления о сражавшейся с римлянами кельтской пехоте как о нестройной и неорганизованной массе не соответствуют действительности. Континентальным кельтам действительно был присущ «героический» тип ведения сражений, однако это не мешало им применять правильное боевое построение и различные тактические приемы на поле боя. Можно уверенно говорить о развитии пехотной тактики кельтов, применении ими все более сложных маневров, более массовом использовании метательного оружия и т. п. Параллельно шло утяжеление комплекса вооружения кельтского воина, увеличивалась роль конницы и происходили другие явления, которые не были рассмотрены в рамках данной публикации. Однако, невзирая на очевидный прогресс, к рубежу эр римляне все же значительно превосходили кельтов в использовании приемов ведения боя на дистанции и более эффективно управляли войсками на поле сражения, в чем, вероятно, и кроется причина их тактических успехов.

1. Дельбрюк Г. История военного искусства. В рамках политической истории. Т. 1: Античный мир. СПб, 1999.
2. Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. – СПб.: Алетей, 2004.
3. Filip J. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956.
4. Pleiner R. The Celtic Sword. Oxford, 1993.
5. Quesada Sanz F. Not so different: individual fighting techniques and small unit tactics of Roman and Iberian armies // L'Hellénisation en Méditerranée Occidentale au temps des guerres puniques / Eds. P. François, P. Moret, S. Péré-Noguès. Actes du Colloque International de Toulouse, 31 mars-2 avril 2005. Pallas 70 (2006). P. 245-263.
6. Rapin A. L'Armement celtique en Europe: Chronologie de son Evolution Technologique du Ve au Ier s. av. J.-C. // Gladius. 1999. №19. P. 33-67.
7. Robertson J. A. The Gael of Alban. Highlanders of Scotland. Edinburgh, 1866.
8. Speidel M. P. Berserks: a history of Indo-European "mad warriors" // Journal of World History. – 2002. №2 P. 253-290.
9. Zhmodikov A., Roman Republican heavy infantrymen in battle (IV-II centuries BC // Historia 2000. 49.1. P. 67-79.